

Н. А. Рубакин

**Кораллы и люди: старинное
сказание из жизни далекого
Востока**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. А. Рубакин**
Кораллы и люди: старинное сказание из жизни далекого Востока / Н. А. Рубакин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-517-97970-4

ISBN 978-5-517-97970-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И всё они живутъ подъ волнами моря, тамъ, гдѣ волны разбиваются о берегъ, гдѣ есть для нихъ довольно свѣта и тепла. Полипы живутъ—и работаютъ.

Они работаютъ быстро и неустанно. Ихъ работа не прерывается ни ночью, ни днемъ. И эта ихъ работа удивительная особенная, невѣроятная.

У полиповъ нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни головы, ни мозга. Каждый полипъ похожъ на простой мѣшочекъ, у котораго одинъ конецъ—слѣпой, а другой—открытый. Нижнимъ, слѣпымъ концомъ полипъ сидитъ на землѣ, а верхній, открытый, служить ему вмѣсто рта.

Вокругъ этого рта есть у полипа особыя щупальцы. Такихъ щупалець у нѣкоторыхъ породъ полиповъ бываетъ очень много, а у другихъ породъ—мало. Есть такіе полипы, которые кое-какъ ползаютъ съ помощью этихъ щупалець по морскому дну, но еще больше такихъ, которые весь свой вѣкъ сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Они сидятъ и поджидаютъ, когда вода принесетъ прямо къ ихъ рту то, что нужно имъ для жды. Сидитъ полипъ да пошевеливаетъ своими щупальцами. Если подплыветъ къ нему какая-нибудь добыча, напримѣръ, маленькая рыбка или слизнякъ, или иное что, полипъ тотчасъ выскакиваетъ свои щупальцы и хватается ими добычу, и втягиваетъ ее цѣликомъ къ себѣ въ ротъ.

Полипъ на пищу и не взыскателенъ. Онъ питается всякими остатками, которыхъ всегда много въ морской водѣ. Плаваютъ тамъ въ изобиліи маленькіе кусочки мертвыхъ растений и животныхъ, водится тамъ множество маленькихъ-маленькихъ живыхъ существъ,—все это идетъ въ пищу полипамъ. Все это падаетъ къ полипу въ ротъ вмѣстѣ съ водой. Полипъ отцѣживаетъ воду, а пищу оставляетъ внутри.

Есть породы полиповъ, которые совершаютъ великую, невѣроятную работу: они строятъ изъ извести настоящія каменные скалы, гряды, и холмы, даже высокія подводныя горы, даже огромные острова.

Есть на землѣ великое множество такихъ острововъ и скалъ, которые построены полипами еще въ незапамятныя времена.

Да, маленькіе слизистые, нѣжные полипы строятъ горы и острова. Въ этомъ и состоитъ ихъ настоящая работа, ихъ великое, многовѣковое дѣло.

Какимъ же способомъ работаютъ полипы?

Они добываютъ извѣсть изъ морской воды *). Извѣсть копится внутри ихъ тѣла, въ самыхъ стѣнкахъ мѣшочка-полипа и въ подошвѣ, то есть, слѣпомъ концѣ его. Больше и больше копится, осѣдаетъ извѣсти,—и растетъ известковое подножіе полипа, а внутри тѣла дѣлается изъ извѣсти какъ бы его скелетъ. На одномъ и томъ же подножіи живутъ и размножаются не одинъ, а многое множество полиповъ. Потихоньку да понемножку отъ ихъ работы подножіе растетъ, дѣлается длиннымъ, широкимъ, вѣтвистымъ, словно древесный стволъ. Этотъ стволъ растетъ и вверхъ, и въ ширину, и вправо, и влѣво, смотря по тому, какъ сидятъ на немъ полипы-работники. Мало-по-малу сооружаютъ для себя полипы прекрасное, раскидистое известковое жилие, похожее на настоящее дерево, то бѣлаго, то красного, то иного цвѣта. На этомъ деревѣ и на стволѣ его, и на вѣтвяхъ, сверху до низу сидятъ въ небольшихъ пмочкахъ полипы. Въ корѣ известковаго ствола, отъ полипа къ полипу, идутъ особыя трубочки-каналы. Эти трубочки-каналы соединяютъ всѣхъ полиповъ въ одну дружную семью-родню. Ни одинъ полипъ не сидитъ отдѣльно отъ другихъ,—всѣ они соединены такими трубочками другъ съ другомъ.

Хоть и не могутъ полипы передвигаться по своему известковому стволу, все же они могутъ поддерживать другъ друга,—все же они сообщаются между собою съ помощью трубочекъ-каналовъ.

Въ этихъ трубочкахъ-каналахъ хранятся у полиповъ общіе запасы ѣды.

Что внутри полипа—то его собственное, что внутри трубочки-канала, то у всѣхъ полиповъ общее.

Удивительно идетъ жизнь въ каменномъ городкѣ—кораллѣ. Полипы, которые сидятъ на немъ, работаютъ день и ночь, отъ своего появленія на свѣтъ до самой смерти. Имъ много работы. Они вылавливаютъ извѣсть изъ морской воды и складываютъ ее въ одно мѣсто. Они добываютъ пищу—и каждый для себя, и всѣ для всѣхъ.

Вырастаютъ известковые кораллы самой причудливой, странной формы. Иные кораллы похожи на раскидистые кусты,

другіе похожи на вѣтвистыя деревья, третьи—на окаменѣвшія чашечки грибовъ. Иные имѣютъ какой-нибудь другой странный видъ. На прибрежныхъ скалахъ, подъ волнами моря, вырастаетъ понемногу настоящій лѣсъ коралловъ. Въ этомъ подводномъ каменномъ лѣсу есть деревья, надъ сооруженіемъ которыхъ работали сотни тысячъ маленькихъ полиповъ. Морское дно между кораллами покрыто остатками и обломками ихъ. На этихъ обломкахъ сидятъ морскія водоросли, раки, морскія звѣзды, черви, голотурин-кубышки, раковины и другіе обитатели морей. Между ними плаваютъ рыбы, медузы и великое множество другихъ веществъ. Иные изъ этихъ существъ—страшные враги полиповъ. Они набрасываются на нихъ и поѣдаютъ ихъ. Но и полипъ чувствуетъ опасность, хотя у него нѣтъ ни глазъ, ни ушей. Онъ чувствуетъ ее по движенію воды около него, и лишь только онъ подмѣчаетъ опасность, какъ тотчасъ же съеживается, складываетъ щупальца и весь уходитъ въ свою известковую ямочку на коралловомъ стволѣ.

Кромѣ опасности отъ враговъ, полипъ не знаетъ другихъ опасностей. Ему неизвѣстенъ холодъ, потому что воды южнаго моря, на той глубинѣ, на которой живутъ полипы,—воды теплыя. А голодъ совсѣмъ даже не страшенъ полипамъ. Они справляются съ нимъ соединенными силами, борются сообща. Для всѣхъ голодныхъ полиповъ во всякое время открыты запасные склады коралла—трубочки-каналы, которые идутъ отъ полипка къ полипу. Изъ этихъ складовъ въ случаѣ голода, любой полипъ можетъ добыть для себя столько пищи, сколько ему потребуется. Нерѣдко случается такъ, что всѣ полипы, сидящіе на одномъ и томъ же кораллѣ, успѣваютъ поймать себѣ добычу: иной разъ за цѣлый день работы и ожиданія, не подплываетъ къ полипу никакой подходящей ѣды. Пошевеливается онъ, пошевеливаетъ щупальцами,—и все же не удается ему поймать никакой добычи. Полипъ голоденъ,—зато есть на кораллѣ много другихъ полиповъ, которые сыты и которые удачно провели свой день—наловили добычи, передѣляли ее въ своемъ желудкѣ въ особый питательный сокъ, оставили этого сока сколько нужно для себя, а ненужный имъ остатокъ черезъ особое отверстіе въ своей подошвѣ, спустили въ запасной магазинъ. Никогда не бываетъ такъ въ царствѣ коралловъ, чтобы запасные магазины совсѣмъ стали пусты. Всегда тамъ есть довольно запасовъ, пока лишь живы кораллы и пока они работаютъ. Всякій глупый и неудачливый полипъ можетъ, ни у кого не спрашиваясь и ни у кого не покупая и не отнимая, забирать

въ свою пользу ту їду, которую спустили въ запасный магазинъ другіе полипы, сытые и удачливые. Если полипъ голоденъ, онъ раскрываетъ проходъ изъ своего желудка въ запасной магазинъ и насасываетъ себѣ оттуда столько пищи, сколько ему нужно. Потому не полипы умирали съ голоду. Кому сколько нужно, тотъ столько и взялъ. Кто сколько могъ, тотъ столько и далъ. Дружно живутъ полипы, дружно работаютъ.

Есть такіе полипы на кораллѣ, которые словно уродились счастливыми. Быть можетъ, эти полипы поживѣе, половчѣе и способнѣе другихъ. Быть можетъ, они сидятъ на болѣе удобномъ мѣстѣ коралла, гдѣ напримѣръ, свѣта больше и тепла, гдѣ вода подвижнѣе, или гдѣ маленькихъ морскихъ веществъ водится больше. И въ царствѣ полиповъ бываетъ такъ, что добываютъ себѣ пищу не всѣ одинаково: кто больше, кто меньше, кто лучше, кто хуже. Иные и уродились такими, что совсѣмъ не могутъ добыть себѣ пищи, а къ другимъ, отъ самаго появленія ихъ на свѣтъ, сама пища такъ и ползетъ въ ротъ. Иныхъ полиповъ изуродовали ихъ враги—хищныя рыбы, раки и другія животныя, которыхъ всегда живетъ много въ коралловомъ лѣсу. Случается такъ, что многіе полипы такъ и живутъ кое-какъ, израненные, обглоданные, искалѣченные, неспособные къ работѣ. Но и голоднымъ, и больнымъ, и израненнымъ не худо живется въ царствѣ полиповъ. Имъ не приходится терпѣть долгихъ страданій, потому что въ этомъ царствѣ способные работаютъ на неспособныхъ, сытые на голодныхъ, сильные на слабыхъ. Кто больше наловилъ добычи, тотъ и самъ поѣлъ до сыта, и другимъ далъ. Наѣдаться до пресыщенія полипы не умѣютъ; дѣлать запасы для однихъ только себя—не могутъ. Такъ идетъ вся ихъ жизнь и работа, что приходится имъ жить въ тѣсномъ товариществѣ, дружно, объединенно. Каждый полипъ живетъ и для себя, и для другихъ. Всѣ работаютъ для всѣхъ, не дѣлаясь и не считаясь, кто сколько сдѣлалъ. Полипъ и себя не обижаетъ, и другихъ спасаетъ отъ гибели. Если ужъ выпалъ такой счастливый случай на чью-нибудь долю, то избыткомъ попользуется не одинъ только удачникъ-полипъ, а и всѣ другіе, захудалые, неудачные. Сколько полипъ можетъ, столько и отдастъ. Ничего невозможнаго, непосильнаго съ него никто не требуетъ. Каждый работаетъ по своимъ силамъ.

И живутъ себѣ полипы подъ волнами бушующаго моря, живутъ и работаютъ. Нѣтъ у нихъ голодныхъ,—всѣ сыты. Нѣтъ убогихъ,—всѣ быстро здоровѣютъ, поправляются на хорошей и достаточной їдѣ.

Идутъ года за годами. И растутъ себѣ да растутъ коралловый лѣсъ. Кораллы дѣлаются большими, вѣтвистыми. Вѣтви ихъ сливаются, сталкиваются между собою. Подъ такими вѣтвями находятъ себѣ пріютъ другіе обитатели морей. И растутъ коралловыя постройки. Онѣ вырастаютъ у самыхъ береговъ, сплошной стѣной окружаютъ острова. Иногда же онѣ вырастаютъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Коралловыя постройки тянутся въ иныхъ мѣстахъ моря на десятки и даже на сотни верстъ, и все еще растутъ да растутъ. Растутъ до тѣхъ поръ, пока силы могучія, подземныя, не поднимутъ ихъ выше воли морскихъ или не опустятъ глубоко-глубоко подъ воду, на такую глубину, гдѣ не могутъ жить полипы безъ свѣта, воздуха и безъ тепла.

Тогда наступаетъ смерть полипамъ. А пока они живы—они работаютъ да работаютъ, стихійно, дружно, объединенно, все для одного, одинъ для всѣхъ.

**

*

Много сотенъ и тысячъ лѣтъ работаютъ полипы у береговъ прекраснаго острова.

Островъ этотъ назывался Аки-Агренаръ, что значитъ на языкѣ темнокожихъ людей, его обитателей,—«Островъ счастливой жизни».

Назывался онъ такъ потому, что очень былъ счастливъ славный султанъ Сеидъ Гассанъ, могучій повелитель этого острова. Еще счастливѣе былъ его сынъ, наслѣдникъ престола, храбрый Ахметъ, а всѣхъ счастливѣе его дочь, шестнадцатилѣтняя красавица Фатимѣ.

Но не только султан и его семья были счастливцы на прекрасномъ островѣ. Хорошо текла жизнь и родственниковъ султана и его приближенныхъ, текла среди богатства, наслажденій и среди надеждъ на грядущее, еще большое счастье.

Султана Сеидъ Гассана всѣ окружающіе народы звали „Велколѣпнымъ». Слава султана Сеидъ Гассана гремѣла на всемъ

океанѣ, въ близкихъ и дальнихъ странахъ. Онъ—покоритель сосѣднихъ острововъ, побѣдитель многочисленныхъ враговъ. Славный Сеидъ Гассанъ прошелъ огнемъ и мечемъ всѣ сосѣднія острова, сжегъ деревни и города, сложилъ изъ человѣческихъ череповъ высокія башни, привелъ съ собою тысячи плѣнныхъ которыхъ сдѣлалъ рабами, захватилъ несмѣтныя сокровища и богатства, которыми полнымъ-полны его многочисленные дворцы и кладовыя. Великолѣпенъ былъ Сеидъ Гассанъ, совершая свои подвиги, которыми онъ прославилъ себя на всѣ вѣка, для всѣхъ временъ. Султанъ былъ мудръ и прекрасенъ, и величественъ. Онъ зналъ кого какъ любить, кого какъ дарить, кого какъ казнить и миловать.

— Я добръ,—говорилъ о себѣ славный Сеидъ Гассанъ.— Я добръ безконечно! Я вѣдь могъ бы казнить всѣхъ, всѣхъ кого бы ни захотѣлъ. И это было бы исполнено. Но я, по своей добротѣ, не желаю этого дѣлать. Пусть всѣ живутъ и чувствуютъ всю мою доброту и величіе.

А когда султанъ говорилъ «хочу»,—это означало то же, что «могу». Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ это, и самодовольная улыбка играла въ эти минуты на его красивомъ лицѣ, и онъ со слезами благодарилъ Аллаха за то, что Аллахъ такъ хорошо устроилъ жизнь. Не въ его ли лицѣ Аллахъ показываетъ всему міру, до какой высоты счастья можетъ дойти человѣкъ на землѣ?

Счастливыъ былъ и наслѣдникъ славнаго султана, Ахметъ. И его наградила Аллахъ счастьемъ отъ самаго рожденія. Не успѣлъ онъ родиться, а счастье уже поджидало его, потому что было заготовлено для него еще задолго до его рожденія. Никто не спрашивалъ, хорошъ онъ будетъ или худъ, достоинъ или не достоинъ, уменъ или не уменъ. Всѣ были увѣрены, всѣ говорили, что онъ и достоинъ, и уменъ, и хорошъ; придворные ученые говорили, что и по наукѣ такъ быть должно, и доказывали это многими способами; поэты слагали въ его славу и хвалу чудныя пѣсни, пѣмамы (священники) рылись въ старинныхъ священныхъ книгахъ и находили тамъ тысячи разныхъ доказательствъ, что такое счастье соответствуетъ и благодати, и справедливости, и любви къ людямъ премудраго Аллаха. Ахметъ такъ же, какъ и его отецъ, говорилъ «хочу», но послѣ этого слова онъ задумывался и прибавлялъ: «не только хочу, но и смогу, когда воля Аллаха поставитъ меня на мѣсто моего отца»...

Но счастливіе всѣхъ, какъ сказано, была прелестная сестра Ахмета, черноглазая красавица Фатимэ. Все, что она хотѣла, у нея было. Стоило ей только пожелать чего-нибудь—и ея желаніе немедленно исполнялось: скакали гонцы, работали голы, руки, ноги; сотни верстъ были ничемъ, если нужно было что-нибудь добыть изъ-за тридцяти земель; сотни людей бросали прежнюю свою работу и принимались дѣлать то, что было нужно, чтобы угодить прекрасной Фатимэ.

— Милые славные люди!—шептала дѣвушка, и слезы показывались на ея прекрасныхъ, добрыхъ глазахъ.—Они считаютъ себя счастливыми, потому что работаютъ на красавицу Фатимэ.

— Да, да, они цѣнятъ великое счастье, которымъ наградили ихъ Аллахъ!—говорили подруги и служительницы Фатимэ. Красавица давнымъ-давно знала, что островъ Цейлонъ славится жемчугомъ, Кашмиръ—бирюзой, что очень вкусны кашгарскія яблоки и великолѣпныя кабульскіе ковры, и приятенъ аромать аравійскихъ травъ. Фатимэ знала, что въ каждомъ уголкѣ земли навѣрно найдется что-нибудь такое, что увеличиваетъ человѣческую красоту и уменьшаетъ неудобства человѣческой жизни. И объ удобствахъ Фатимэ заботились, можно сказать, и день, и ночь, не только она сама, но и отецъ, и братъ и приближенные султана, и слуги, и слуги этихъ слугъ, и жители городовъ, и жители деревень, и всѣ помогали удобству и счастью ея жизни чѣмъ кто могъ, кто какъ могъ и умѣлъ...

Съ незапамятныхъ временъ такъ велось на островѣ,—и при отцахъ, и дѣдахъ, и при прадѣдахъ. «Ахъ, какое счастье любить свою родину и жертвовать ей всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! Слава тѣмъ, кто ставитъ счастье своего султана и своей родины выше своего счастья! Да благословить того Аллахъ и да вкусить его дупа всѣ наслажденія рая».

Нѣжная душа Фатимэ чувствовала, что если бы не было на свѣтѣ Сеидъ Гассана, ея великолѣпнаго отца, и брата Ахмета, и другихъ славныхъ и могучихъ людей прекраснаго острова Аки-Агрена, не было бы и этого счастья, которое они доставляютъ такимъ способомъ всѣмъ людямъ всѣхъ окружающихъ странъ.

Одно только было горе у Фатимэ: по молодости лѣтъ, по неопытности жизни, она еще не совсѣмъ умѣла хотѣть. Другіе люди, ее окружающіе, то и дѣло хотѣли то того, то другого, то пятаго, то десятаго; вѣчно они чего-нибудь хотѣли,—то почестей, то славы, то наслажденій, то богатствъ. Одну только Фатимэ перестали уже прельщать и почести, и слава, и богатство. Потому единственнымъ занятіемъ Фатимэ было радовать самое себя: придумаетъ она иной разъ что-нибудь необычное и обрадуется,—какъ это странно и какъ хорошо! А когда ея желаніе понемногу исполнялось, она радовалась еще больше, радовалась до тѣхъ поръ, пока не осуществлялось наконецъ вполнѣ ея желаніе. Радовалась она нѣкоторое время и послѣ этого, но скоро затѣмъ переставала радоваться и принималась скучать и искать другихъ источниковъ радости. И если она подолгу не находила ихъ, то чувствовала себя очень и очень несчастной...

**

*

Однажды утромъ Фатимэ проснулась очень рано. Она полу-раскрыла свои глазки, сладостно потянулось; улыбка заиграла на ея губкахъ, такая радостная, нѣжная улыбка.

Нѣжный вѣтерокъ шевелилъ шелковыя занавѣски окна, выходящаго въ садъ. Сквозь окно были видны и море, и горы, и далекія деревни поселянъ, издали казавшіяся самыми уютными и мирными уголками земли. Въ саду зеленѣли мирты и олеандры, нѣжно качали своими верхушками изящныя финиковыя пальмы. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ розъ и орхидей. Издали доносилось щебетанье птичекъ, проникнутое такимъ веселымъ и счастливымъ настроеніемъ. Самой Фатимэ вдругъ захотѣлось тоже щебетать по птичьей, такъ же весело и беззаботно.

— Милыя птички! Какъ онѣ хорошо щебечуть! Ну, не стыдно ли вамъ щебетать и порхать безъ дѣла, когда поселяне давно уже работаютъ на поляхъ.

Добрая Фатимэ очень часто вспоминала «тружениковъ-поселянъ». Ей очень нравилось вспоминать ихъ. Въ эти минуты она чувствовала, что она дѣвушка не только красивая, а и добрая.

Фатимэ вскочила съ пуховой атласной постели и подбѣжала къ окну. У самыхъ дверей, на полу, спала на роскошномъ смирскомъ коврѣ чернокожая Мирра, любимая невольница Фатимэ. Мирра спала крѣпкимъ и счастливымъ сномъ, какъ и ея повелительница.

— Мирра! Мирра! зачѣмъ же ты спишь?—воскликнула Фатимэ.

Мирра въ испугѣ вскочила на ноги, словно совершила какое-то ужасное преступленіе. Еще бы! Она спала въ то самое время, когда госпожа ея уже поднялась. Развѣ такоцы должны быть добрыя рабыни? Какое тяжкое наказаніе ей грозитъ, если грозный султанъ узнаетъ о ея непочтительномъ нерадѣніи!

Фатимэ тотчасъ же догадалась, почему дрожить и о чемъ думаетъ Мирра.

— Не бойся, Мирра,—сказала она.—Я хочу быть очень доброй. Отецъ ничего не узнаетъ о твоёмъ преступленіи.

Мирра упала на колѣни передъ Фатимэ.

— О, красота земли! О жемчужина Гвардарамы! Аллахъ создалъ тебя такую же прекрасной, какъ и доброй!

Мирра сказала свои слова отъ глубины своей души. Она искренно хотѣла быть самой лучшей и самой послушной рабыней, какія только требуются. Въ ея голосѣ были слышны искреннія, душевныя нотки. Фатимэ подмѣтила ихъ. У нея въ душѣ тоже стало хорошо-хорошо. Еще бы,—вѣдь она сдѣлала несомнѣнно хорошее дѣло—спасла бѣдную, оплошавшую невольницу отъ справедливаго гнѣва своего грознаго отца повелителя, который каждое утро приходилъ къ ней и спрашивалъ, хорошо ли она спала и что она намѣрена дѣлать сегодня.

Мирра три раза ударила въ ладоши. Тотчасъ раздвинулись тяжелыя бархатныя занавѣси у дверей, которыя вели въ глубину дворца. Раскрылись тяжелыя рѣзныя, вызолоченныя двери. Въ сосѣдней комнатѣ послышались нѣжныя звуки восточной музыки; это невольницы играли на особыхъ инструментахъ, похожихъ на арфу.

Началась торжественная церемонія умыванія и одѣванія прекрасной Фатимэ. Это было очень важное, какъ бы государственное дѣла. Къ этому дѣлу были приставлены цѣлый штатъ невольницъ и надсмотрщицъ, и надсмотрщиковъ надъ ними. Нѣсколько невольницъ должны были ходить беречь и чесать чудные волосы Фатимэ, другія—нѣжить и охранять отъ загара и пыли ея лицо, третьи были приставлены къ ней затѣмъ, чтобы отгонять отъ нея докучныхъ мухъ; многіе десятки невольницъ заботились объ ея одеждѣ, а еще больше невольницъ—объ ея время препровожденіи. Онѣ должны были занимать Фатимэ, придумывать для нея разныя развлеченія, дѣлать жизнь ея интересной и радостной, чтобы Фатимэ ни минуты не чувствовала, что время идетъ очень медленно. Жизнь непременно должна быть для нея настоящимъ праздникомъ...

А Фатимэ все же не знала, что ей сегодня дѣлать, чего хотѣть.

— Мирра! Мирра!—воскликнула она и по ея прекрасному лицу пробѣжала грусть.—Ахъ, Мирра, я совѣмъ не такъ счастлива, какъ это тебѣ, быть можетъ, кажется.

— О, алмазь золотой короны! О, серебрянная звѣзда небосвода! Чего же тебѣ недостаетъ? Куда неустанно стремится твоя свѣтлая душа? Не всѣ ли блага вселенной доступны тебѣ, украшеніе свѣта?

— Нѣтъ, я сегодня несчастна! я не знаю, что мнѣ сегодня дѣлать и чѣмъ наполнить сегодняшний день; вѣдь у меня такъ много времени, такъ много, а я знаю, куда мнѣ его дѣвать...

— О, счастливѣйшая изъ смертныхъ! Твоя чистая душа глубока, словно небо въ лунную ночь! Чего же еще хочется тебѣ?

— Я право сама не знаю, чего я хочу. Но все же чего-то мнѣ недостаетъ. Я чувствую, что мнѣ какъ будто что-то нужно, очень нужно,—такъ нужно, что безъ этого я не могу и жить. Мирра, милая Мирра, скажи мнѣ, чего мнѣ еще не достаетъ?

Мирра нѣжно смотрѣла на Фатимэ и рѣшительно не знала, что сказать ей.

— Такъ ты знаешь? Не знаешь?—спросила Фатимэ.

— Не знаю!—въ смущеніи сказала Мирра, печально опустивъ голову. Она не рѣшилась сказать Фатимэ, что и не можетъ знать этого.